

его на счет неосведомленности киевских подражателей чужим образцам. Однако это неверно, и перед нами не кустарная импровизация, а применение традиции, твердо установленной в Константинополе с давних времен и продержавшейся там до конца империи. «Книга церемоний» и другие тексты часто упоминают о царских покоях, которые устраивались в различных помещениях на периферии некоторых столичных церквей, в которые направлялись те или другие «выходы» василевсов, по случаю праздничных богослужений. В этих покоях византийские цари устраивали приемы и даже обеды; они в них меняли ритуальные костюмы и отдыхали. Эти царские палаты функционально были вполне светскими, несмотря на то что они были частью церковного здания и находились чаще всего на высоте хоров церкви, во втором этаже. В Константинополе наиболее известные из этих прицерковных палат были царские покои при Софии, при церкви Сергия и Вакха, при церкви Влахернской божией матери. В конце XII в., например, император Андроник I Комнин построил новые палаты этого рода,¹⁴ общавшиеся с церковью Сорока Мучеников, и мы знаем даже, что на стенах этой светской пристройки к церкви были какие-то изображения, увековечившие различные эпизоды его героической и беспорядочной жизни (см. ниже о тех же изображениях). Присутствие дворцово-светского цикла в лестничных башнях киевской Софии есть прямое доказательство переноса в резиденцию русских князей архитектурной формы дворцовых церквей Константинополя. Эта фреска мыслима только, если в киевском соборе княжеская семья также располагала какими-то помещениями для своих частью культовых, но главное «репрезентативных» потребностей на тех хорах, куда вели обе лестницы с фресками. Исключительное развитие в ширину св. Софии могло быть связано с этой светско-княжеской функцией периферических помещений церкви (ср. развитие в ширину хор св. Софии константинопольской: не для этой ли цели там боковые нефы получили особенное развитие?). Было бы не удивительно, если бы оказалось, что киевские башни и особенно их живопись, где много места уделено Ипподрому, вдохновлялись башнями самой константинопольской Софии, рядом с которой находился Ипподром. К сожалению, от живописи, покрывавшей стены и своды лестничных клеток константинопольской Софии, ничего не сохранилось. Вернее, сохранилось только несколько фрагментов этих фресок, и среди них прекрасный «процветший крест» в медальоне на самом верху лестничного свода южной лестницы; фрески на стенах лестниц погибли целиком.

В итоге перед нами сложное художественное произведение светско-дворцового характера, которое в целом и во многих деталях опирается на византийскую традицию. Однако в некоторых случаях эта зависимость от константинопольской модели остается лишь вероятной, и одинаково возможной кажется инициатива местных мастеров. Наконец, во всех сценах, даже наиболее «византийских», возможны интерполяции, вызванные личным опытом художников или влиянием условий киевской дворцовой жизни. К сожалению, отсутствие всяких конкретных указаний на этот счет (за отсутствием соответствующих текстов) не позволяет нам развить эту гипотезу. При материале, которым мы располагаем, эта гипотеза «неуловима». А пока она остается такой, иконографическая «поэма» киевских фресок будет для нас отличаться от литературной поэмы «Слова о полку Игореве»

¹⁴ Nicetae Choniatae. Historia. Bonnae, 1835, De Andronico Comneno, Lib. II, 6, стр. 433—434; R. Janin. La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin. Les églises et monastères de Constantinople. Paris, 1953, стр. 499—500. Р. Жанэн почему-то исключил из своего списка работ Андроника в церкви Сорока Мучеников все, что относится к росписи этого дворца.